

ПРЕДЧУВСТВИЕ

«Война и жизнь» Геннадия ЖИВОТОВА

ЛЕВ ТОЛСТОЙ в 1869 году завершает эпопею "Война и мир". 1915 год — Маяковский приступает к поэме "Война и Мирь". 2022 год — Геннадий Животов открывает выставку "Война и жизнь". Если, как подсказывает дореформенная орфография, "мирь" Толстого означает "покой", "согласие", а "Мирь" Маяковского — "Вселенная", "весь человеческий род", то что же противопоставил (и противопоставил ли?) войне Животов?

Жизнь — это смысл, который сегодня художник вынужден отбивать от бессмыслицы. То, для чего приходится отвоёвывать пространство, — на холсте, в выставочном зале, в сознании людей — у пустоты. Потеснённая ещё "чёрными квадратами", "абстракциями" и "композициями" жизнь уподобилась сигналу, что с трудом пробивается сквозь изобразительный "шум".

Вместе с объявлением "конца истории" попытались объявить и "конец искусства": бледное безвременье, когда уже не нужны ни приметы эпохи, ни добытый художником опыт, ни язык, понятный зрителю. С пустотой легко работать: она, как безумие, не требует объяснений, развития замысла, причин и следствий. А жизнь сложна, многогранна, для неё нужны истолкование, внятное выражение, убедительность и убежденность, особенно когда в жизнь врывается война. Тогда "чёрный квадрат" ломается, словно седьмая печать, и на полотнах проступают лица, судьбы, времена и сроки.

Война и жизнь и неслиянные, и неразделимы; и параллельны, и последовательны. Война — роковой час жизни, в который всё достигает высшего предела: и воля, и любовь, и боль, и вера. Жизнь — непрестанное одоление смерти, битва за бессмертие.

Война долго копится в мире, складывается из неразрешимых противоречий, нагнетается, будто угар в тесной комнате, рождает тягостное предчувствие. И всё же война всегда внезапна. Спустя годы уже сложно понять, когда она началась, сложно вспомнить, каким мир и все мы в нём были до неё. Изобразить, ухватить этот временной перелом способен только художник. Только ему под силу перемотать ленту времени вспять и обнаружить канун войны.

МНОГОЛИКАЯ ВЫСТАВКА Геннадия Животова и есть поиски такого кануна. Быть может, это пандемия, ковидная чаша гнева и серия картин о ней "Рядом не садиться". В вагонах метро всех разделила дистанция: человек человеку вирус. То ли так наказали нас за бывшее равнодушие друг к другу, то ли дали нам через эту возможность разглядеть ближнего. Но ни лицом к

лицу, ни на расстоянии лица не увидеть: маски скрыли и усмешку, и печаль, наступила пора, когда улыбка Джоконды и крик мунковского безумца неразличимы.

Быть может, канун войны — "Танцующие олигархи": эти смрадные "пузыри земли", напоминающие увеличенных персонажей "Сада земных наслаждений" Босха. Их пир — во время чумы, их танец — "за две минуты до пожара". До русского пожара, когда вот-вот загорится "вся Родина моя".

Русский пожар в лихолетье подбирался к русскому лесу, что веками стоял неодолимой для врага стеной. В этом лесу увяз фашистский "Мерседес", сквозь который проросло русское древо и не позволило адской силе двигаться дальше по русской земле. Лес дохнул встречным палом и остановил пожирающий огонь огнём очистительным.

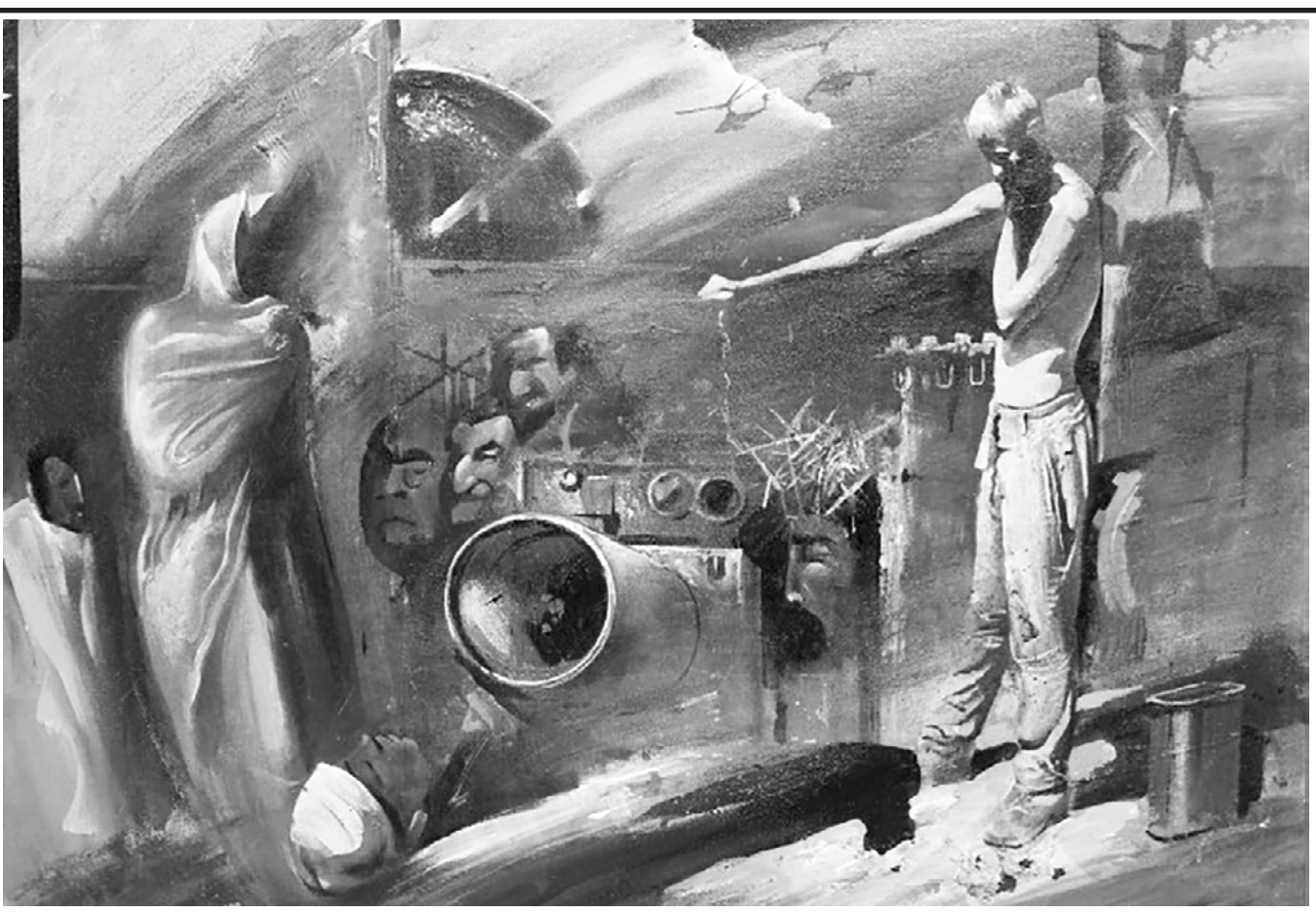
Может быть, канун — другая война, что когда-то пришла с Востока. Ведь с завершением каждой войны начинается отсчёт предвоенного времени до новых боёв и фронтов. С афганского поля брани выносят раненого: тонкой пуповиной тянется к нему прозрачная трубка капельницы, что-то млечное струится по ней, будто само небо вот-вот растечётся по венам — "уже не больно".

ЧТОБЫ УЛОВИТЬ движение войны, нужно одолеть земное время, придумать для него иное летоисчисление. Портрет — самый загадочный жанр. Жанр, которого боится время. Художник изображает человека не просто в конкретный момент жизни, в определённом возрасте — художник угадывает весь жизненный путь, являет одновременность возрастов. В старике проглядывают и юноша, и младенец, в юнце — седовласый старец.

Так, над кремлёвской стеной исполински, подобно кустодиевскому "Большевику", возвысился Александр Проханов: этот образ "солдата империи" вбирает в себя все семнадцать войн, пройденных писателем, его труды и дни, тревоги и упования.

Могучие жинцы затягивают песню. Она доносится до всех русских пределов, до всех поколений, её подхватывают и пращур, и потомки. Что поёт этот многоголосый хор? "Вставай, страна огромная!"

Младенец, который отроком узрит схимника, а зрелым мужем возведёт на Макавце духовную обитель, кормит с ладони крохотного коня. Этому коню предстоит через века тянуть воз русской жизни, опережая коней Апокалипсиса, — нужны будут силы.

Тихий ангел, оборотившись пернатыми крыльями к зрителю, присел на крыльце деревянного дома, как призвыник перед отбытием на фронт. Надо спешить: архистратиг Михаил объявил мобилизацию. Грядёт великая битва.

Таков канун войны глазами Геннадия Животова. Ещё миг нашей земной жизни — и персонажи на его картинах станут иными. Беззаботный студент окажется собранным и суровым, сменил модную одежду на строгий камуфляж. В многолюдной московской толпе замелькают нашивки "Вагнера". Оживший бронзовый погранич-

ник на станции метро "Площадь Революции" покажет барышню с айфоном, как перезаряжается винтовка. Маяковский, стоящий на постаменте посреди площади, разомнёт затёкшие мышцы, вскинет кулак, прогрохочет: "Левой! Левой! Левой!"

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Иллюстрация: «День за днём», художник Г.В. Животов. 1988 г.

"Она открывала свой новый комод, словно Америку — тихо, торжественно... Пузатые ящики смотрят вперёд, покрытые доверху лаком божественным..." Михаил Светлов, "Комод"

СТИХОТВОРЕНИЕ "Комод" Михаил Светлов написал в 1930 году, когда новаторы да глашатаи строили дивно-лаконичный мир коммун и фабрик-кухонь, объявляя шифоньеры, секретеры и особенно комоды врагами сознательных пролетариев. Неслучайно поэт говорил о безобидном предмете мебели, как о злой силе, убивающей энергию созидания: "Он только мешает мне жить и дышать, / Он только мне комнату загромаживает". Но, увы, жена лирического героя обожала тот уютный комод, открывая его, "как Америку".

В те годы респектабельная, изящная обстановка считалась не только позорнейшим знаком буржуазности и мешанства, но и чем-то вроде отжившего прошлого. Едкие сатирики Ильф и Петров, намекая на популярное издание "Голос минувшего" (там печатались историче-

ке работает проект, посвящённый конструктивизму и русскому авангарду, призывавшему утилизировать всякое рококо, обставляя быт спартанскими стульями от Александра Родченко, то в усадьбе Кусково — всё с точностью до наоборот, ибо здесь открылась выставка "Спутники комфорта" с подзаголовком "Комоды из собрания музея Кусково". Тот самый комфорт, что оказался противен человеку-машине из динамичных 1920-х!

Собственно, comfort в переводе с французского означает "удобный", а его изобретение, появление стало следствием того культа уюта, что был характерен для галантного осмы-нающего столетия. После бурного, жестокого диктата Людовика-Солнце наступила пора утончённой лениости и долгие вита. Парадные, холодные залы оставлялись в пользу небольших комнаток с довольно низкими потолками. Из громад — в павильоны! Вместо поступи — мелкие шажки. Регентство Филиппа Орлеанского и принца де Бурбон-Конде сменилось вялым правлением Людовика XV и его фавориток, истощивших казну, после чего эра аб-

мебели — его эскизы в духе рококо ничем не выделяются из ряда таких же. Имеются и рисунки самого Томаса Чиппендейла — выдающегося мебельщика XVIII века, чьи таланты целились как на родине, в Англии, так и по всему миру. Понятие "чиппендейловская вещь" быстро сделалось синонимом качества и максимального комфорта. Впоследствии мебельровка производства этой фирмы стала одним из символов "богатой Америки", и название голливудского мультсериала "Чип и Дейл" — это игра слов, ибо Чиппендейл был столь же знакомым лейблом, как "шестисотый Мерс" в бандитской России 1990-х.

Выставка небольшая, но позволяющая отследить эволюцию стилей, точнее, увидеть, как разработки XVIII столетия потом будут неоднократно повторяться, начиная с 1850-х годов. Вот немецкий комод середины XVIII века со сценами охоты. Форма — актуальная, чистое рококо: пузатенькая вычурность на тонких изогнутых ножках, но изображения охотников выполнены в манере XVII века. Мебель германской выделки этим и отлича-

помешательства в XVIII столетии — все хотели заполучить секрет китайских чашек, и в результате возникли три самостоятельные концепции: германская, французская и русская. Севрская мануфактура обязана своим расцветом госпоже де Помпадур, вкладывавшей значительные суммы, как личные, так и государственные, в это производство. "Триумф Венеры" отлично дополняет выставку мебели — на комоды во все века ставили какие-нибудь милые безделушки (вроде советских слоников, истово ненавидимых Агитпропом).

Далее по курсу — ампирный комод, связанный с пристрастиями Бонапарта, любившего помпезность, уверенность и строгость в нужной пропорции. Однако "век девятнадцатый, железный", по меткому определению Александра Блока, — это и век ностальгии по ушедшим версальским празднествам, по парикам и фижжам. Дамы зачитывались книжками о графинях, падавших в объятия герцогов посреди парковых боскетов!

По случайной прихоти братьев Эдмона и Жюль де Гонкур возник сам

КОМОДНАЯ ШТУЧКА

Выставка «Спутники комфорта» в Кусково

ские исследования, скучные, тягучие и старорежимные по мнению молодых рабкоров), протацили его на страницы своего романа "Двенадцать стульев" как "Голос комода". Это означало "голос" не просто "минувшего", но ветхости с примесью манерных ужимок. Показателен и Музей мебельного мастерства, куда заходили, чтобы изумиться напыщенной бестолковости сервантов и комодов. И ещё каких-нибудь штук "упадочного стиля". Ничне старинная мебельровка вызывает совсем иные чувства: помесь ностальгического восторга с мимолётной завистью.

ДАВНО ЗАМЕЧЕНО, что все московские экспозиции логически "перетекают" одна в другую, и если в Центре "Зотов" на Ходын-

солютизма кроваво завершилась казнь Людовика XVI и Мари-Антуанетты. Вместе с тем то был Le siècle des Lumières — век Просвещения, на базе которого и построилась наша нынешняя цивилизация с её плюсами и минусами. Спокойные кабинеты, личные библиотеки, хороший вид из окна — всё это влекло к эстетской мудрости. А комоды? Они в помощь.

Итак, идём смотреть комоды, но и не только их. В экспозиции представлены осветительные приборы, креслица, фарфоровые статуэтки, гравюры и проекты самых разных мастеров, включая Джованни Пиранези, что был таким же новатором для своих 1750-х, как и Родченко для "ревуших двадцатых". Правда, здесь Пиранези выступает как вполне типичный дизайнер

лась: сочетание современных на тот момент разработок с затверженной архаичностью. Рядом французский комод приблизительно тех же лет с растительным орнаментом. К слову, короткие, гнутые ножки называются "кабриоль", а иногда их именуют "ножкой Людовика XV", хотя к самому королю они отношения не имеют — это всего-навсего стиль Louis XV. На стенде рисунок некоего Р. де Лалонда из французского каталога 1770-х — уже в те годы выходили печатные издания с образцами продукции. По этой картине видно, как позднее рококо уже извобилось от обилия декора и скоро вообще выйдет из моды.

ЦЕНТРАЛЬНЫМ экспонатом выставки является уникальный комод 1788 года, принадлежавший Мари-Антуанетте. Мы наблюдаем классицистическую лапидарность и стремление к природной простоте линий. Чёткость, прямые углы, симметрия, орнаментальный поясок в виде листьев и цветов чертополоха ("Назад — к природе!" — по Жан-Жаку Руссо, когда оранжерейная роза казалась безвкусицей), маскароны в виде собачьих голов. Правда, те собачки больше напоминают что-то среднее между львом и медведем.

В 1786 году начались работы по обновлению обстановки Малого Трианона — прибежища королевы и её друзей, сбежавших из версальского дворца в уединённый павильончик. Автор гарнитура — Иоганн (Жан)-Фердинанд Швердфегер — немец по происхождению, но с юности работавший в Париже, будущим одним из поставщиков бурбонского двора. За три вещи: консоль, комод и столик, — мэтр получил 16300 ливров, сумму фантас-тическую. Мебельщики, тем паче крупные, никогда не бедствовали.

Капризная Антуанетта, обожавшая свой Le Petit Trianon, пользовалась гарнитуром недолго. После казни королевской четы в 1793 году предметы были распроданы и долго колесили по каталогам и аукционам Европы, оказываясь то в частных собраниях, то выкупленными для музейных коллекций. Сейчас консоль и столик находятся в Версале, а комод — в нашем Кусково.

Также в экспозиции можно увидеть часы — настенные и настольные, изысканные бра, вазу в стиле Louis XVI, скульптурную группу "Триумф Венеры" из северского фарфора. Тонкий, чарующий фарфор был точкой

термин — "галантный век", равно как литературно-художественный культ Мари-Антуанетты, беззвонно убиенной красавицы. Тон задавала императрица Евгения, супруга Наполеона III, превеликая моточка и поклонница всё той же Мари-Антуанетты. На этом фоне родились подражательные стили — в частности, второе рококо и его бесконечные "волны". Так, на выставочной витрине мы видим пару кресел 1850-х годов и роскошный комод второй половины XIX века (по счастью, Евгения завершила свой путь не так, как её кумир, а дожила до глубокой старости, почив уже в зру Ле Корбюзье и стульчиков от Мис ван дер Роэ).

Надо сказать, что "второе рококо" да имитацией под старину часто оказывались вычурнее и пышнее, чем оригиналы. Интерес буржуазии к аристократичному XVIII веку спровоцировал рост подделок, а искусственно состаренные шифоньеры якобы из Фонтенбло продавались рядом с настоящими антиквариатом. Даже реальные вещи времён Людовиков обрастали такими "биографиями", что впору было бы строчить приключенческие романы. Торговцы сочиняли на ходу истории о бывлых хозевах, добавляя им титулы и родство с королями. Помните фразу, брошенную ведущим аукциона из "Двенадцати стульев"? Насчёт того, что воробьяниновская мебельровка — это "десять стульев из дворца", хотя вовсе не из дворца, но из рядового, пусть и богатого, дома в провинциальном Старгороде. Примерно так и действовали продавцы. Публика обожает эффекты.

На выставке в Кусково — всё подлинное. И этого комода некогда касались холёные пальцы Мари-Антуанетты, и вон те часы отсчитывали секунды для какой-нибудь раззолоченной маркизы, и рисунки сделаны Чиппендейлом, что был куда как богаче многих своих клиентов. Мы не можем купить штучки от Чиппендейла и Швердфегера, но зато всё это доступно для созерцания. Кроме того, экспозиция размещается в Большом Дворце, что позволяет увидеть ещё и кусковскую благость XVIII столетия: портреты, хрустали, обои. Это своеобразное путешествие во времени, а комод — лишь повод.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: дизайн комода в стиле эпохи Людовика XIV. Вторая половина XIX века.

НЕЗАЧЁТ

О петиции «истинных патриотов» из Института философии РАН

СПУСТЯ МНОГIE месяцы Учёный совет опального Института философии РАН наконец отреагировал на серию критических публикаций в патриотической прессе, включая нашу газету. Реакция случилась в форме "Заявления Учёного совета "О кампании против Института". Авторы текста расценили критические публикации как "попытки обвинить Институт в антисоветской деятельности, русофобии и работе на иностранные спецслужбы". Кстати, почему именно попытки обвинить, а не сами обвинения? В заявлении в том числе упоминается и газета "Завтра" как распространитель "заведомо ложной информации". Я относительно недавно являюсь автором газеты, но отношусь к самым преданным её читателям, не пропустившим ни одного номера с момента возникновения, включая её предтечу, газету "День". Я считал и считаю, что заслуги газеты перед российской государственностью крайне тяжело переоценить. Газета "Завтра" в совершенно буквальном смысле спасла Россию в самые отчаянные и бесперспективные годы, идейно консолидировав патриотические силы. Для обсуждаемого предмета это очень важный тезис, смысл которого будет раскрыт ниже.

КАК ДОКТОР философских наук, как человек, проработавший в родственном институте РАН два десятка лет, по содержанию Заявления считаю важным высказать следующие вещи:

1) Оказывается, что, согласно тексту, критикуют Институт некие "псевдопатриоты". В том числе упоминается газета "Завтра". Авторы старейшего патриотического издания новой России, оказывается, между прочим, право на суждение имеет абсолютное, — чего стоит простой факт, что он единственный выжил из батарей "сорокапятки" после атаки 16 немецких танков во время операции "Багратион". Причём выжил совершенно достойным образом: был контужен и засыпан грунтом от близкого взрыва, когда в плащ-палатке подносил снаряды. Могу ли настоящие патриоты проигнорировать речь уважаемого, мудрого и могучего старца о необходимости сплотиться для защиты Родины? Нет, не могут! В Институте это сделали. Они патриоты? Нет, они не патриоты. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что Учёный совет прямо и не претендует на патриотизм в своём заявлении. Но если не претендует, то какое право он имеет судить о том, кто любит свою Родину, а кто нет? А если претендует, то это просто ложь.

2) Тот факт, что коллеги вступились за деятельность иноагента Рубена Грантовича Апресяна (ведёт тему "этика ненасилья"), конечно, делает честь корпоративной солидарности, но сделали это нелепо: припомнили Льва Толстого, который наш, и Махатму Ганди, который не наш, но зато ему есть памятник в Москве! Вот это уровень аргументации! А раз так, то не трожьте наш доморощенный пацифизм и "подставь другую щеку!" Страна воюет не на жизнь, а на смерть, а они с ума прыгнувшего на старости лет русского литератора поминуют и индийского махатму, как будто они нам что-то хорошее сделали своими ненасилием. Скорее наоборот, их непритязательские идеи использовались для того, чтобы граждане СССР не вышли на последний бой спасать свою страну в самый грозный и отчаянный час в 91-м и в 93-м годах. Русская интеллигенция массово предала свою страну, оказавшись ма-

латорской, и это совершенно уникальный исторический феномен.

3) Умиляет забота о "великой" американской культуре, которая понесла "невосполнимый ущерб" от маккартистской "охоты на ведьм", который, оказывается, всем известен! И дескать, мы, "псевдопатриоты", пытаемся это безобразие тут повторить — нанести невосполнимый ущерб русской культуре. Или нанести ещё раз невосполнимый ущерб американской культуре? Скорее, всё-таки второе... Американская культура в России явно под угрозой, очень похоже, что авторов именно это и беспокоит. Я, кстати, решительно за нанесение такого ущерба. Давно пора.

4) Авторы онго текста сплотились настолько, что обрели решимость угрожать своим критикам статьёй 282 УК "Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства". А если не угрожать, то намереть на угрозу. У либералов с использованием уголовного права для ограничения свободы слова всегда было всё очень хорошо: когда против шерсти, то сразу же "ненависть и вражда", а когда они тратят, унижают, издеваются, плетутся и шельмуют — "Терпите, это нелицеприятная, но целебная истина о негативных чертах русской ментальности". Очень мне это напоминает компанию либеральных горлопанов в начале СВО, которые на полном серьёзе грозили патриотам статьёй 353 УК "Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны". Мне тогда удавалось задорно отшучиваться, отвечая, что учту их пожелания и впредь буду развязывать именно неагрессивную войну. Но тут уж шутки явно закончились — раз высомому Учёному совету виднее, что наша публицистическая деятельность "подпадает" под УК РФ, то быть может, просто стоит написать заявление в прокуратуру, а не теоретизировать о подсудности ради риторического приёма?

5) Авторы призывают решать "такие вопросы цивилизованным, профессиональным путём — путём организации и проведения научных семинаров, конференций, публикации статей в научных изданиях, а не натравливания одних групп граждан на других". Вот ведь как — извольте играть матч на нашем поле, а не ставьте в ваших прессах писать! Добро пожаловать в известное академическое стойло — на семинар и конференцию или даже симпозиум! На симпозиуме, как известно, можно выпить, а выпивка помогает преодолевать разногласия. И вообще, эти ваши публикации в СМИ не что иное, как натравливание псевдопатриотов на сознательных граждан!

СТОИТ ОТДАВАТЬ отчёт, что заявление целого Учёного совета уважаемого Института с необходимостью несёт на себе черты высочайшей разумности и даже известного рода непогрешимости коллективного суждения мудрейших мужей матери всех наук. Однако сердцу разумом не прикажешь: у меня этот доктринистский оставил впечатление полной неадекватности, непонимания авторами той ситуации, в которой находится не то что их институт, а само наше государство. Вместо того, чтобы потратить усилия на разоблачение направленных против них критических аргументов, заведомо ложных утверждений и фактов, ответить в прессе встречными публикациями, мы слышим некие общие декларации о высоких ценностях и конспирологические контраргументы о "кампании против Института" неких сил и лиц, которых не хватает смелости назвать, но вовсе не ответы по существу претензий. А быть может, и нет вовсе никаких сил и лиц, а есть просто нелицеприятная истина о неприемлемой антигосударственной атмосфере, царящей в Институте философии Российской академии наук?

Дмитрий ВИННИК

СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ «ДЕНЬ»